

София Кульбицкая

**ПОРОЧЕСТЕР ИЛИ
КОНТРВИРТУАЛ**

София Кульбицкая

Порочестер или Контрвиртуал

«Издательские решения»

Кульбицкая С.

Порочестер или Контрвиртуал / С. Кульбицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839063-0

«...Все довольны, всем весело. Вот только по моей спине нет-нет, да и пробегает холодок, когда я осмеливаюсь вникнуть в ужас происходящего. Стоило ли тащиться в такую даль, кардинально менять жизнь в отчаянных попытках убежать от самих себя, если виртуальная реальность всё равно настигла нас?.. В такие минуты я чувствую себя полным идиотом...»

ISBN 978-5-44-839063-0

© Кульбицкая С.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Порочестер или Контрвиртуал

София Кульбицкая

© София Кульбицкая, 2022

ISBN 978-5-4483-9063-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

1

Уфф... неужели добрался?... А минут на десять всё-таки припоздал. А-я-яй...

Тронул торчащий в стене багровый сосок звонка – и чуть не рванул обратно, услышав за дверью истерический хохот. На какой-то страшный миг я решил, что попал в логово сетевого маньяка. Секундой позже, отерев ладонью повлажневший лоб, я понял, что это всего лишь простенький аудиофайл, какой и я при желании мог бы себе поставить; что ж, подумал я со вздохом, кое-кто любит выпендриваться не только в Интернете.

– Иду-иду! – донесся до меня знакомый писклявый голос.

Под нарастающее шарканье шлёпанцев (вестимо – розовых, с алыми помпонами и загнутыми кверху носами) я озираю обстановку. Стайки «бычков», снующие по замызганному полу, а равно и скучные граффити на стенах вызвали моё неодобрение. В мусоропроводе явно кто-то сдох. Я не выдержал, добыл из кармана влажную салфетку – и секунды две-три махал ею около носа.

«Эк тебя занесло!» – думал я. Добротная дверь с уголками и латунной цифрой под золото смотрелась во всём этом антураже как-то... чужеродно.

Меж тем замки за ней призывно защёлкали, и я поспешил – уж не знаю, насколько успешно – придать лицу доброжелательность.

Всегда боюсь этих первых мгновений, когда грубая реальность, надсадно скрипя и лязгая, без жалости разрывает уютную плоть моих внутренних образов, пытаюсь (порой безуспешно) втиснуться в уготованную ей нишу. Особенно часто так бывает при встрече с дамой – причём то, что новая подруга может оказаться вовсе не хуже, а то и лучше своего виртуального образа, нисколько не облегчает дело. Но сегодня обошлось без эксцессов. Может быть, потому, что Мистер Порочестер, на даму ничуть не похожий, все эти месяцы был предельно честен – и даже излишне откровенничал, не пытаясь ничего скрыть или приукрасить, а, наоборот, при каждом удобном случае выпячивая и выставляя напоказ изъяны и постыдные отвратительности своего несоразмерного тельца.

Как-то я даже отругал его за это – зачем рыть самому себе яму? – и только теперь понял, как был прав. В 3D-формате он выглядел куда приятнее, чем на фото и видео, которые из дурацкой бравады сыпал мне в скайп щедрыми горстями.

Суций симпатяга.

Видимо, впечатление было обоюдным – чувственные губы седеющего пузатого карлика (несомненно, успевшего свериться с дверным глазком) так и расплывались в глупой ухмылке:

– Дружище Герцог! – смешно бормотал он, – неужели это правда вы? Настоящий! Ну и делааа...

– Правда-правда, – я мысленно чертыхнулся: как всегда, мне-таки не удалось скрыть смущение. – Ну и как я вам? Похож?

Порочестер всплеснул пухлыми ладошками:

– Красавчик! Я именно так вас и представлял, мой дорогой!..

Не давая мне опомниться (а может, боясь, что я в последний момент передумаю и убегу – виртуальные знакомцы на сей счёт весьма щекотливы), он чмокнул меня в плечо, схватил за рукав – и чуть не силком втащил в свой загадочный тёплый сумрак, где тихонечко играло радио и раздражающе-сладко пахло вишнёвым «Капитаном Блэком».

– Как добрались? Дом нашли быстро? Погодка-то какая сегодня, погодка-то, а, ваша светлость? – настоящее бабье лето!..

Он тоже стеснялся, и я, понимая, не осуждал его за болтливость.

– С удовольствием прогулялся, – ответил я, приискивая, куда бы поставить ботинки, запачканные осенней слякотью. То, что прихожая оказалась самой что ни на есть обычной – тёмной, тесной, неудобно заставленной, – приятно грело душу. Значит, мой новый-старый друг – вовсе не такой уж запредельный оригинал, каким казался в Интернете.

И тапки на нём оказались обычные, хотя и вправду розовые – тут я угадал. Кстати о наболевшем. В гостях я всегда опасаюсь тапочек – и потому-то часто отклоняю приглашения не только приятелей, но даже и годных к употреблению дам (у тех вообще на этот счёт какой-то пунктик). Это негигиенично, да и просто унизительно. Но недаром же мы с Мистером Порочестером так скоро сошлись и до сих пор дружим. Он предложил, но не настаивал, – и я отправился в гостиную как был, в носках, благо в них не оказалось никаких изъянов, способных смутить меня либо деликатного хозяина.

– Проходите, проходите, не стесняйтесь, – радостно бормотал тот, суетясь вокруг и дрожащей рукой подталкивая меня в поясницу.

Уютный интерьер комнаты был мне давно и хорошо знаком по скайп-видео и многочисленным фоточкам, – и я сразу почувствовал себя как дома. Сюрприз: журнальный столик, который я привык видеть пустым или заваленным газетами, ныне был красиво сервирован – свеча в бронзовом подсвечнике, «Курвуазье», два бокала, плесневелый сыр и ломтики лимона, изящно разложенные по блюдам. Я прицокнул языком:

– Ай да сервис, дружище. Неужели это всё – в мою честь?..

– Сойдёт? А то я боялся, что вы скажете: «что-то жадный попался, мало наготовил». Торопился...

– Прямо ресторан. Только прекрасных дам не хватает. Хотя бы одной...

Сказав так, я инстинктивно покосился в угол, где, по моим прикидкам, должен был располагаться ноутбук. Но тот оказался мало того что наглухо закрыт, но и прикрыт сверху скатёркой – для верности. Перехватив мой взгляд, коротышка лукаво улыбнулся и погрозил мне пальцем:

– Извините, дорогой Герцог, но нет, нет и ещё раз нет. Сегодня – никаких!..

– Я всегда вами восхищался, – вздохнул я и – а что ещё оставалось делать? – опустился в кресло-качалку, любезно пододвинутую мне хозяином:

– Что, хорошо креслице? Деятнадцатый век, не хухры-мухры!

Я уважительно замычал. Честно говоря, не люблю антиквариат – мало ли кто им пользовался до меня. Но здешняя мебель хотя бы не навевала чувства сосущей тоски и безысходности, как это часто бывает с устаревшими предметами мещанского быта. Напротив – она странным образом придавала пространству стабильность, вневременную уютность; скорее случайными тут казались другие, более современные вещи. То-то Порочестер не спешил присесть на скользкий розовый диван, последний писк интерьерной моды. Зато удивительный скрипучий монстр был, вероятно, его любимцем – потому-то меня в него и усадили.

– Как у мамы в животе, дружище, – честно ответил я.

По мгновенной ассоциации я вспомнил вещицу, на которую как-то набрёл на сайте кройки и шитья – так называемое «кресло-мешок». Это, по сути, и есть мешок, набитый шариками из полистирола. Хочешь – спи на нём, хочешь – гордо восседай, поставив перед собой ноутбук... Вот это и впрямь удобно и функционально, не то что всякие там разошедшиеся раритеты.

Мне вдруг подумалось, что и Порочестеру такая вещь пришлась бы по нутру. Если взять грубую материю из натуральных волокон, то и с антиквариатом будет прекрасно гармонировать. Я бы даже помог ему изготовить её собственноручно, если только он не поленится пройти по ссылке. Да что там – я прямо сейчас могу найти ему нужную страницу, пусть только пустит меня в Интернет. Интернет!..

– Дружище...

К счастью, Порочестер ничего не заметил. Он всё-таки забрался на диван – и теперь возлежал на нём в позе эдакой головастой Данаи. Ему было очень неудобно, но я уже понял, что мой друг – из тех, кто всегда пожертвует личным комфортом ради выпендрёжа.

– Ну, так за что пьём, гость дорогой?.. – спросил он, глядя на меня обожающими глазами тойтерьера.

– За долгожданную встречу, дружище?.. – предположил я. Но Порочестер, хищно поведя ноздрями над бокалом, возразил:

– За встречу мы с вами и так каждую пятницу в скайпе глушим. А сегодня у нас с вами первый тост должен быть за...

– Что, и не тянет?.. – бестактно перебил я, сам не знаю зачем. Разве о таком можно спрашивать?

– Ни капельки не тянет! – запальчиво крикнул Мистер Порочестер, тряхнув редкими седоватыми патлами и аж покраснев. – То есть с утра потягивало, конечно... но теперь совершенно не тянет! Ведь вы же здесь, вот он вы!.. – протянув пухлую, почти детскую ручонку, он ласково потрепал моё запястье.

Я смутился: меня-то даже здесь, в гостях, при нём, всё равно сильно тянуло – я еле себя сдерживал. Но каяться в этом не собирался. Прищурившись, я качнулся в кресле и осторожно понюхал божественный напиток:

– Так я вас перебил. Первый тост – ...?

– За Реальность, дружище! За обрётённую нами великую Реальность! За победу над страшными удушающими путами Интернета, из которых мы так вовремя выкарабкались!.. Одним словом – за Свободу!..

Теперь он так яростно размахивал бокалом, что раз от разу выплёскивал добрую часть его содержимого на розовую обивку.

За время скайп-общения я успел привыкнуть к неуместной экзальтации моего друга, и она меня уже почти не корбила. Поэтому я только возразил:

– Ну уж, дружище... Всё-таки познакомились-то мы в Сети...

– За неё, матушку – следующий тост, – деловито резюмировал Порочестер, с размаху впечатывая свой бокал в мой. По-настоящему, со звоном – чтобы доказать, что Реальность – живее всех живых. Оба мы остро нуждались в этом доказательстве. Именно эта нужда, если можно так выразиться, и толкнула нас сегодня в объятия друг друга.

Тусклое стекло книжного шкафа отражало наши реальные образы: пузатый коротышка Порочестер и я – весь такой аристократически-долгий, горбоносый, утончённый. Прямо Дон Кихот и Санчо Панса. А ведь они, в сущности, тоже были вроде нас – творцы и жертвы несуществующей реальности.

Мысль эта понравилась мне, и я улыбнулся. Может быть потому, что в нашем союзе расклад был совсем иной – это он всегда был ведущим, а я ведомым, он на виду – я за кулисами, он – лидер, а я – его верный оруженосец. Да, мой друг – яркая личность, и я ничего не имею против того, чтобы находиться в его тени...

Но тут надо пояснить, как так случилось, что мы с Мистером Порочестером – два замше-ных диванных вояки – сподобились не только встретиться наяву, но и вообще познакомиться.

2

Устав от пошлости и бессмыслицы социальных сетей, где в течение трёх лет проходил мой виртуальный досуг, я однажды решил покончить с этим – и двинуться не вширь, а вглубь. Авось да найдётся в Рунете что-нибудь достойное моего уровня развития, интеллекта и культуры.

Вскоре мне показалось, что я нашёл. Литературные порталы! – тут было всё, чего я бесознательно ждал от сетевого общения. Изысканный контингент, бодрящая творческая атмосфера, обширное поле для умственных состязаний...

(Правда, чуть присмотревшись, я обнаружил в этом глянцево-плоде червоточину, которая – если ковырнуть её посильнее – грозила превратиться в огромную, вонючую гнилую дыру. Но меня это не слишком обескуражило. Я – человек хоть и сдержанный, но не моралист.)

Потеревшись в разных уголках Рулинета (Русская Литературная Сеть) и безнадежно запутавшись в оттенках политических и поэтических обоев, я плюнул на нюансы – и выбрал то, что больше других приглянулось мне удобством функционала. Сайт назывался красиво: «Златоперье».

Местные завсегдатаи, спеша ввести меня в курс дела, наскоро объяснили, что у них тут, дескать, Гении воюют с графоманами за Культуру и Чистоту Русского Языка. Но я, в свои сорок с хвостиком парень тёртый, сразу понял, что суть противостояния та же, что везде и всюду: психи против идиотов. Вообще, по моим наблюдениям, к этому сводится всё многообразие социальных конфликтов. Возможно, даже в политике... Интересно бы порассуждать об этом подробнее, но увы – я не социолог и не политолог, а всего лишь средненький искусствовед.

Я попал очень удачно. На сайте как раз проходила очередная «чистка»: графоманов выкуривали из уютных нор и изощрёнными издевательствами доводили до того, что бедняги, собрав в узелок свои скромные стихотворные пожитки, с плачем и воплями покидали негостеприимный портал. Если вы не знаете, как это делается, я вам расскажу.

Для начала кто-нибудь из Гениев (не самых крупных) высаживается десантом на графоманскую страницу, полную нехитрых, неумелых, но искренних рифмовок, коими начинающие поэты трогательно пытаются порадовать друзей и добрых знакомых. Ещё несколько дней Гений терпеливо изучает графоманово творчество, при этом обязательно отмечаясь в списке читателей – это важно! Можно не сомневаться – очень скоро у жертвы сдадут нервы и она начнёт наносить «поклоннику» ответные визиты, раз от разу робко интересуясь: что ж молчит-то загадочный гость, что ж нигде не выскажется, не похвалит, не поругает?... (Графоманы к таким вещам очень чувствительны).

Дальше можно поступить по-разному:

– ничего не ответить графоману, но в тот же день громко похвалиться на форуме: мол, установил новую «прогу» для накрутки баллов – и уже опробовал её на самых тупых и бездарных товарищах. Работает!..

– ответить графоману коротко и ёмко, в двух-трёх словах сообщив ему всю горькую правду о его творчестве. Графоман торк, торк – пытается вставить критикана в чёрный список. Да не тут-то было!.. У истинного Гения количество аккаунтов доходит до сотни, да и буквы логина он умеет нарочно так перепутать – не разберёшь, где «rus», где латынь! Дальше можно доводить графомана до исступления, оставляя на его странице сытый комментарий как раз в тот момент, когда несчастный окончательно уверится, что избавился от наглеца;

– ответить графоману очень благожелательно: мол, так восхищён его творчеством, что не в силах насладиться им в одиночку – и прямо горишь желанием познакомить широкую аудиторию с настоящей поэзией!.. После чего дело Гения – отыскать у графомана стишата повкуснее (выражаясь по-графомански, «написанные душой») и выволочь их на всеобщее обозрение – для того и форум.

Здесь их судьба предreshена. На аппетитный запах быстро сползутся крупные, маститые критики, вечно жаждущие поживы. Они будут смаковать угощение медленно и аккуратно, со скрупулёзным сладострастием расчленивая катрены по строчкам, выворачивая наизнанку смысл, бесстыдно обнажая один за другим все изъяны по части рифм, ритма и содержания, пока у облапошенной жертвы, наконец, не откроются глаза – и она, обезумев от ярости и обиды,

не кинется на защиту своего детища. Ну, а тут уж наваливайтесь всем миром, клюйте слабака, клюйте до крови!..

Между прочим, так можно выманить на свет даже не одного, а целый выводок графоманов. (Это ж вам не Гении, которые способны дружить только временно и против кого-то.) А уж когда они повыползли, чтобы всем миром встать на защиту обиженного соседа, – тут-то и наступает время подтянуть тяжёлую артиллерию. Обычно это какой-нибудь крупный, очень уважаемый на сайте Гений, любимая лошадка хозяев ресурса, – а то и сам Админ, которому по должности положено оберегать вверенный ему сайт от злодеев – погубителей русского языка и культуры. По счастью, графоманы очень обидчивы и покидают площадку целыми толпами, после чего отправляются искать в дебрях Сети более гостеприимное место. Некоторые даже принимаются строить его сами. Таких затерянных, но уютных домиков много в Интернете.

Конечно, подобные штучки проходят далеко не со всеми графоманами. Иные не остаются в долгу – и, вместо того, чтобы с причитаниями удалиться, принимаются поливать палачей площадной бранью, приплетая их родственников, детей и выуженные в недрах Интернета личные фото, – пока те, в свою очередь, не отбрасывают напускное высокомерие и стычка, изначально литературная, не превращается в обычную грязную потасовку, где под толстым слоем мерзкой словесной жижи уже почти невозможно различить, кто Гений, кто графоман. Да и раньше-то, собственно...

Я не относил себя ни к тем, ни к другим, но на всякий случай – для пущей безопасности – зарегистрился под глухим псевдонимом. Если что, хоть маму с папой не тронут.

Перестраховался. Но вскоре понял, что бояться нечего. Я ведь прозаик (и даже публицист). А нашего брата прозаика (тем более публициста) даже самые злобные и въедливые тролли обходят стороной. Нет, не то чтобы у нас дела с литературной одарённостью обстояли лучше, чем у поэтов. Просто любому критику, если только он не конченный маньяк, трудно заставить себя даже мимоходом пролистать образец нашего творчества, – а не то что долго и нудно разбирать его по косточкам. В общем, «многобабукафф» – не только приговор автору, но и да, да, да! – гарантия его душевного спокойствия!

Итак, развесив на «Златоперье» всё своё добро – дюжину рассказиков и одно критическое эссе для солидности, – я мог смело запасаться попкорном и расслабляться не хуже, чем в кресле-мешке. Что может быть занятнее – оказаться в самой гуще свары бешеных литераторов и уже без помех наблюдать её изнутри? Ей-ей, тут было на что поглазеть и над чем посмеяться!

Но смеяться не получалось, да и расслабиться тоже. А всё потому, что я никак не мог определиться в своих симпатиях.

По первости, конечно, Гении мне импонировали больше. В их арсенале был если и не талант, то грубая сила и цепкость ума – что всегда привлекает утончённые натуры вроде моей. Потом, они творили со мной чудеса. Эти альфа-литераторы с такой яростью били и терзали тех, кто послабее, что даже во мне, человеке цивилизованном и культурном, нет-нет да и начинали бродить дремучие инстинкты. Хотелось, упав хищными пальцами на клавиатуру, присоединиться к агрессорам и клевать, клевать, клевать, пока жертва не останется без кровинки!..

А я мог бы гарантировать, что это получится у меня ничуть не хуже, а то и лучше, чем у местных авторитетов. Как-никак я профессиональный словоблуд, и, хоть специализируюсь в иной области, – но уж поверьте мне, язвительности, злобного остроумия и уничижительного высокомерия мне, искусствоведу, не занимать статью.

Но привитый сызмала гуманизм всё портил. Всякий раз, что мои повлажневшие руки зависали над клавиатурой, я вдруг чувствовал лёгкий укол в сердце... и тут же понимал, что это – жалость к незадачливым рифмоплёткам, которые ведь, в общем-то, и не пытаются штурмовать высокое Искусство. Просто ищут друзей, близких по духу, чтобы обмениваться мыс-

лями, делиться сокровенным, каждый день дарить друг другу частички своей души... Ужели это – такое дерзкое упование?! И я вдруг с холодной ясностью осознал: только донельзя злобная тварь, не знающая, куда девать свою злобу (а, что греха таить, именно таков и был преобладающий личностный тип лидеров «гениальной» партии!), способна от нечего делать, прикрываясь громкими, но, по сути, пустыми словами и лозунгами, разрушать эти уютные, тихие, ни на что не претендующие мирки.

Видеть сразу обе стороны медали – мой крест с самого детства. Возможно, по этой причине я и пошёл в искусствоведы.

Да и много ли среди Гениев было гениев? А среди графоманов – графоманов?.. Очень скоро, чуть подражая обстановку, я с удивлением понял, что пользователи «Златоперья» выбирают «своих» по каким-то крайне загадочным критериям – скорее всего, как я уже отметил, исходя из процентного соотношения в каждом из них агрессивности и глупости.

К примеру, один из самых заметных, даже культовых Гениев – некий Мистер Порочестер – вообще не утруждал себя вопросами литературного творчества. Когда я, мучимый вполне естественным любопытством – что ж за поэтические откровения он нам несёт? – залез на его страничку, то не обнаружил там ничего, кроме двух-трёх афоризмов и десятка – довольно, впрочем, едких – пародий на творения соседей по сайту. Зато на форуме и в ленте комментариев трудно было найти пользователя активнее и наглее.

Это был настоящий тролль, очень матёрый и опасный! Тонкая ирония была, увы, не главным его оружием. В пылу борьбы с бездарностью и безграмотностью он и сам переставал стесняться в выражениях, – а подчас иллюстрировал их такими соблазнительными фотожабами, любой из которых с лихвой хватило бы, чтобы на веки вечные заблокировать художника по IP. А между тем он пользовался на сайте репутацией умнейшего человека, серьёзного литератора и знающего критика – и мнение его имело огромный вес. Эта загадка была выше моего понимания.

Самое интересное, что авторитет его чтили не только Гении – это бы ещё ладно! – но и графоманы, и Админ, и редколлегия, и даже владельцы сайта – судя по тому, что его аккаунт оставался нетронутым, пока других банили почём зря и за меньшие проступки. Беспринципный и вечно танцующий на грани фола Мистер Порочестер был, пожалуй, единственным Гением, на которого даже самые склочные графоманы никогда не жаловались модераторам. Да-да, они обижались на него, кряхтели, собирали манатки и со всей дури хлопали виртуальными дверьми, – но не жаловались, не жаловались никогда!.. Видимо, им втайне льстил сам тот факт, что великий терминатор обратил на кого-то из них своё неблагосклонное внимание.

Я только плечами пожимал. У этих людей не было никакой гордости.

Уже потом, когда мы с ним стали закадычными друзьями, Порочестер объяснил мне, что я – а) парень славный, но недалёкий; б) погряз в совковых иллюзиях. Чтобы завоевать всеобщее уважение, сказал он, вовсе не нужно что-то из себя представлять – это только мешает. А нужно только одно: хаять всех подряд!!! И как можно грубее. Эффект гарантирован! За один твой слабый кивок будут расшибаться все – от последнего графоманишки до признанных сообществом талантиц (это если говорить о литсайтах, хотя в обычной жизни – схема та же).

А если вдруг и перегнёшь палку, тоже не страшно. Так уж устроена человеческая психика – одно доброе слово, и жертва, забыв все предыдущие пинки, лижет руку палача! Ведь любят-то подлецов и стерв вовсе не за их отвратительный нрав – как многие думают, – а всего лишь за контраст неожиданной улыбки.

После этого разговора я понял, что Порочестер, пожалуй, себя недооценивает. Несмотря на репутацию умнейшего пользователя «Златоперья», голова у него действительно золотая.

Но всё же – как мы с ним подружились?.. Очень странным образом. Но об этом чуть позже.

А пока немного о личном.

В какой-то момент я стал догадываться, что не избежал страшной болезни 21 века – интернетзависимости. Это меня не особо пугало: в жизни одинокого холостяка-фрилансера слишком мало зависимостей, чтобы он не принял с горькой радостью современнойшую из них. Хотя к чему-то в этой Вселенной должен ведь я быть привязан.

Куда больше раздражало, что я, в реальной жизни человек отстранённый и прохладный, принимаю эти глупые виртуальные перипетии всё ближе к сердцу. Поначалу оно было ещё ничего – отошёл от компьютера и забыл. Но вскоре некоторые особо яркие персонажи повадились являться мне во сне, где я горячо спорил с ними и, брызгая слюной, что-то доказывал. Просыпался я в такие утра совершенно разбитым. Умом я, конечно, сознавал, как всё это дико, но как-то вдруг стал понимать свою покойную бабушку Валу, которая не садилась смотреть ни один сериал без валокордина.

Особенно часто беспокоила мои ночи детская поэтесса из небольшого южного городка, имевшая за душой уже не один напечатанный сборник – чем не всегда могли похвастаться её гениальные враги (не говоря уж о друзьях-графоманах). Этими книжками, переведёнными, по её словам, на пять языков, она размахивала, как боевыми знамёнами, и мне, всё же мало-мальски понимающему в поэзии, так и чесалось раскрыть ей глаза на страшную правду. Увы, я не мог позволить себе этого удовольствия, которое, несомненно, принесло бы мне в стане Гениев большое уважение и почёт. Я привык всегда думать о последствиях своих действий – и резонно боялся, что крушение иллюзий, которое я мог бы ей обеспечить, убьёт старую даму.

К слову сказать, так оно однажды и вышло. В один прекрасный день со страницы поэтессы исчезли все её «868 стихокаплюшек для малявочек и крох», – а взамен появился пространный некролог, вывешенный друзьями, которым покойница в последний миг успела открыть свои пароли. Те скорбно сообщали, что, дескать, сердце бедной дамы не выдержало грубых нападок и глумления, которым ежедневно подвергали её местные критики (простыня со списком поэтов-убийц прилагалась).

На какое-то время лагерь Гениев притих, а торжествующие графоманы устроили на виртуальной могиле своей подруги роскошные поминки, куда не решился бы сунуться ни один из подавленных критиканов (исключая разве что Порочестера, с лёгкостью перелезавшего через любые нравственно-этические ограничения. Этот удивительный персонаж везде был званным гостем).

Но каков же был всеобщий шок, когда несколько дней спустя героиня печального торжества, как ни в чём не бывало, появилась на форуме – слегка перепуганная, но по-прежнему общительная и живая! Оказывается, она узнала о своей «кончине» только сейчас, вернувшись с дачи, где мирно отдыхала всё это время, – и происходящее стало для неё не меньшим потрясением! Было ясно, что бедную даму кто-то подставил – и жестоко. Источника так и не обнаружили (замешанные «друзья» испуганно кивали друг на друга), зато у Гениев появился новый беспроегранный повод для злорадства, – в чём их, собственно, не стоит винить, учитывая, что пришлось пережить им за несколько дней недоразумения.

Вот такие там клокотали страсти – в реальной жизни я таких не видел. Как тут было не втянуться?.. В конце концов я так на себя разозлился – перманентное нервное возбуждение было для меня, человека-воблы, состоянием новым и непривычным, – что решил объявить карантин и не заглядывать на «Златоперье» как минимум три дня.

Это было рискованно. Как раз в эти дни я работал над очередной статьёй для Кормильца (то есть, конечно, его ежесемесчаника). А когда я пишу, мне обязательно надо время от времени переключать мозги, иначе толку от работы не будет. К сожалению, я некурящий – как ни пытался лет с пятнадцати, привыкнуть не смог! – так что раньше эту функцию в моей жизни выполняли социальные сети, а ещё раньше – уютный пасьянс «Паук». Но теперь я опасался, что всего этого будет недостаточно – за последние недели я успел подсесть на кое-что гораздо

более занимательное. Что ж, появился повод проверить, действительно ли моя зависимость успела зайти так далеко, как пугали меня многочисленные рерайты на эту тему.

Но куда больше всех прочих неудобств я боялся, что за дни «карантина» и впрямь отвыкну от любимого сайта – а стало быть, утрачу единственную привязанность, что вот уже почти месяц скрашивала мне жизнь. Моя прогрессирующая с годами тяга к одиночеству и прежде пугала меня куда больше самого одиночества. А теперь она, мнилось мне, проходила окончательную проверку, после которой последняя ниточка, связывающая меня с кипучим миром людских страстей, рискует оборваться навсегда.

Скорее всего, так бы оно и вышло – едва ли безликая виртуальная реальность сама по себе смогла бы переменить такого сухаря, как я. Но вдруг случилось нечто удивительное – такое, чего я никак не ожидал.

***

Среди моих вещиц, опубликованных на «Златоперье», есть одна под названием «Конфетульки».

Это скорее размышление, чем рассказ. Там я вспоминаю одну старушку, с которой был знаком когда-то – покойную бабушку моего школьного приятеля. От неё я и перенял это дурацкое словцо – «конфетульки». (Она их обожала навернуть с чайком – единственная радость в жизни девяностолетней старухи). Так и навязло в зубах – прямо как та самая конфетулька. А ведь старуха прожила огромную, трудную, интересную жизнь, вынесла из неё наверняка многогранный опыт, из которого многое пыталась передать и нам. Но я перенял и понёс дальше только эти «конфетульки». Страшно иногда делается, как подумаешь, какая ерунда остаётся от людей – причём даже самых ярких и талантливых. Иной трудится всю жизнь в поте лица, надеется оставить после себя огромное творческое наследие, – а в итоге его переживает только память о двух-трёх неловких ситуациях, в которые довелось вляпаться бедняге, да ещё какая-нибудь забавная прибаутка или словцо – вроде тех самых «конфетулек». А ещё страшнее то, что я хорошо знаю – от меня-то самого даже и «конфетулек» не останется.

Видимо, подобные мысли угнетают не меня одного. Бедные, плохо отредактированные «Конфетульки» получили на сайте рекордное число откликов (рекордное для меня, конечно: так-то я откликами не богат). Мне даже стало неловко. Вот когда пришёл и мой черёд ощутить себя признанным Гением! – или графоманом, на выбор.

Меня навестили и те и другие. Под заумным комментарием одного симпатичного психоделиста разгорелась даже целая дискуссия о жизни и смерти – в которой я, впрочем, не участвовал, ибо до жути боюсь теологических споров. Кто-то из редколлегии «Златоперья» вывесил меня в анонсы на главной странице – честь, которой удостоивается не каждый. К счастью, мне хватило ума отнестись ко всем этим подаркам жизни спокойно и не возомнить себя великим писателем. А на третий день моего карантина кто-то неизвестный прорвался ко мне в скайп – я, дурак, зачем-то подвесил свои координаты в контактной информации – и рыдал, да-да, вслух рыдал писклявым голосом, сквозь тонкие всхлипы выкрикивая, что я, дескать, «заглянул ему в душу».

Это было странно. Я не привык к таким восторгам по поводу своего творчества – да и вообще, если честно, не сторонник бурного проявления чувств. Слишком нервические, экзальтированные люди меня пугают.

Словом, в тот день разговора так и не получилось. Я терпеливо выслушал горестные причитания, что счёл нужным излить на меня темпераментный собеседник («Дружище! Как это вы точно написали! Какие люди жили раньше, вот это люди! А что от нас останется?! ХТМЛ-страница в Интернете? Я в последние годы только об этом и думаю, только об этом, непрерывно!!!»), – с помощью вялых увещеваний худо-бедно успокоил его и поспешил под вежливым предлогом распрощаться. Кстати, мой новый знакомец был так взволнован, что ему даже не пришло в голову назвать себя.

Но каков же был мой шок, когда я, задним числом сверив стилистику и настроение странного разговора с кое-какими репликами, появившимися в отзывах за дни моего карантина, безо всякого сомнения понял, КТО это был!..

Впоследствии я часто спрашивал Мистера Порочестера: – Чем же вам, дорогой друг, так приглянулась-то эта ерунда? – и тот честно пожимал пухлыми плечами: ничем другим, кроме некоего внутреннего сходства, сродства, чудесного попадания в резонанс, объяснить это было невозможно. Мне не раз случалось наблюдать, как этот громила без тени жалости растирает в порошок творцов и погениальнее. Да и сам он полгода спустя, когда мы с ним были уже закадычными друзьями, вернулся к прочитанному – и так раскритиковал злополучный шедевр, что мне, честному культработнику, ничего не оставалось, как снести его в «корзину» от греха подальше.

Но тогда, ещё не будучи толком знаком с этой уникальной личностью, я ощущал только неловкость от его неожиданных ухаживаний. Слишком уж всё это было подозрительно: он понимал или чувствовал меня так глубоко и тонко, будто несколько лет наблюдал за мной и делал выводы, – а кому я, собственно говоря, в этом долбаном мире нужен?..

В какой-то момент я заподозрил, что знаменитый на весь Рулинет форумный тролль попросту открыл для себя новый, более утончённый и коварный способ глумления над графоманами – и назначил меня, новичка, свежей мишенью. Мысль не такая уж неправдоподобная: из наблюдений я уже знал, что этот разносторонний флудила способен на любую подлость. Вот почему на все его приставания – доверительные сообщения в скайпе, цитирование на форуме моих трудов, хвалебно-критические статьи о моём творчестве и проч. – я отвечал вежливо, но крайне холодно и сухо, чётко следуя спасительной сетевой формуле: «Не корми тролля!»

Я расслабился и поверил ему только после того, как он прислал мне в личку свою фотографию.

То есть нет, поначалу я как раз не поверил – не поверил, что на снимке действительно он. Я решил, что он нарочно, хохмы ради, позаимствовал фото с какого-то сайта уродов. Что ж, хозяин-барин. Комментировать предъявленную мне умопомрачительную внешность я не стал – да и вообще сделал вид, что не заметил оказанного мне «доверия».

Но следующей почтой я получил от него уже целую серию личных фото, крупных и мелких, в самых разных позах и ракурсах, – причём все они имели до того уютно-любительский вид, что сомневаться в идентичности изображённого на них персонажа больше не приходилось.

Вот тут-то и рухнул мой последний бастион.

Дело в том, что до сей поры никто во всём Рунете не знал, как выглядит безжалостный и грозный Мистер Порочестер. Тем он был и страшнее, что всегда оставался в маске. На аватарку он ставил стильные графические символы или трогательные пейзажики, а то и фотографии кинозвёзд и слащавых мальчиков с модельных сайтов, чем в наше время уже никого не удивишь. Тем же, кто желал свести с ним более тесное знакомство – а таких было много, особенно среди дам, – оставалось довольствоваться его прекрасной душой. Собственно, она с лихвой заменяла и всё остальное, ибо, как я уже говорил, харизмы Порочестеру было не занимать. Но, видимо, сам он больше этим довольствоваться не мог. Я оказался первым, перед кем он решился сбросить забрало.

Это была большая честь. И серьёзный поступок. Впервые за всё это время Порочестер предстал передо мной с новой, неожиданной стороны. Впервые я видел его в роли не палача, не гонителя, но жертвы – жертвы Природы, если угодно, – и не мог не задуматься над тем, какую силу и мужество надо иметь, чтобы ежедневно, ежечасно генерировать brutальное обаяние, оставаться по-настоящему живым и страстным даже в темнице ТАКОГО тела.

Это заставило меня устыдиться. Я-то как раз могу считать себя любимцем Природы. Знакомые дамы все уши прожужжали моей «аристократичностью». На всякий случай поднял зад-

ницу от ноутбука и сверился с зеркалом. Да-да, я по-прежнему высок, статен, слегка волнисто-волас и в свои сорок четыре благообразен даже больше, чем нужно.

А меж тем как чувствующая личность, как человек, мужчина и созидатель я нуль. И, к сожалению, смолоду. Я никому в этом мире не принёс никакой пользы (правда, и особого вреда тоже, но это как-то мало утешает). Мне всё давно безразлично, кроме минимального комфорта. Не спасает даже то, что я отлично сознаю это. Теперь, в сравнении с Порочестером, я ощутил это особенно остро. Передо мной была моя полная противоположность, мой антипод! Но, видимо, что-то было у нас общее, раз он так тянулся ко мне и моим... эээ... литературным потугам.

Тут уже и я начал к нему приглядываться. Мне хотелось понять, что же может нас с ним роднить. По первому впечатлению это был человек из другой вселенной, если только не из параллельного мира. Но ведь, говорят, и параллельные миры иногда соприкасаются?..

Я стал искать общие точки.

Одна из них нашлась совершенно случайно. Оказывается, мы оба уже много лет голосовали за ЛДПР. Ну, Порочестер-то особь статья – уже потом я узнал, что он большой активист партии, и даже видел несколько его фотографий с Лидером.

У меня всё гораздо проще. Я голосую за Владимира Вольфовича по той же причине, по какой в своё время пошёл на факультет искусствоведения: на вещи и явления я смотрю только через призму любви к искусству. Политика в целом оставляет меня равнодушным. А Жириновский – единственный известный мне политик, не говорю уж – кандидат в президенты, который ежедневно делает произведение искусства из самой своей жизни. Этим-то он меня всегда и подкупал.

Этим же, если вдуматься, подкупал меня и Порочестер. Я думаю, на самом деле привело его в ЛДПР именно это внутреннее сродство, недюжинность натуры, – а вовсе не стойкие политические убеждения, как он с пеной у рта уверял.

«С пеной у рта» – не фигура речи, я действительно видел эту пену в окошечке скайпа. И ещё много чего видел. Мой друг очень эмоционален. Мне было всё досаднее, что он дал так мало пищи для изучения на своей странице, – я был уверен, что он на досуге пишет что-то куда серьёзнее пародий и афоризмов, только никому не показывает. А если и не пишет, то рано или поздно обязательно начнёт. Куда-то же должна изливаться эта чувственная незащищённость и скрытая от посторонних глаз поэтичность натуры.

Как потом оказалось, я ошибался, – он часто говорил мне, что никогда не понимал, зачем «сублимировать» свои жизненные силы куда-то, кроме самой жизни, – и в этом, как мне кажется, он абсолютно прав.

И всё же на литературном сайте ему было самое место. К тому времени, как мы стали друзьями, я успел многократно раскаяться, что поначалу отказал ему в поэтическом таланте. Пресловутое «чувство слова» или «чувство языка», в отсутствии которого авторы «Златоперья» так любят обвинять друг друга, у Порочестера било через край. Бывало так, что я, задумав очередной рассказец или эссе, часами бился в поисках нужного термина или выражения, – а Порочестер, стоило мне обратиться к нему за советом, подавал с лёту – и попадал в точку. Видимо, за эту удивительную точность формулировок модераторы и прощали ему то, чего не простили бы любому другому пользователю.

Забавно складывались его отношения и с прилипчивым аргом Рунета – «олбанским» или «подонкафским» диалектом, этой страстью филологов и отчаянием учителей словесности. Конечно же, он владел им в совершенстве и при случае с удовольствием пользовался – как и любой наш брат-старпёр, не наевшийся в детстве протеста. Но если ему пытались поставить это на вид, он вдруг поворачивал на 180 градусов – и принимался изъясняться на таком правильном, чистом, богатом оттенками и, я бы сказал, старомодном русском языке (обнаруживая при этом богатейший словарный запас!), что ревнитель культуры тут же затыкался, понимая,

что до такого уровня ему вовек не допрыгнуть – немного не в той семье он родился, рос и воспитывался.

Да хоть бы он и вообще ничего не писал и не говорил... Уже сам его никнейм, если вчитаться, представлял собой тончайший каламбур-автопортрет: порок и аристократизм, нечто свиное – и мягкий дым «честера»; теперь, зная его лично и очень хорошо, я могу оценить эту словесную игру в полной мере.

Он, как и я, холостяковал, и ничто не мешало нам целыми вечерами распивать чай в скайпе, с наслаждением обсасывая литературные или просто злободневные темы – от мелких форумных дрызг до переобустройства России. (Теперь уже и я нет-нет да и сам звонил ему, а, если его не оказывалось дома, мне будто чего-то не хватало). И вот что удивительно: оказалось, что мы во многом сходимся не только в литературно-политических вопросах, но и в том, что касается грубо-житейского. От взглядов на семью и брак до излюбленных кушаний, от характерных болячек до способа выдавливания зубной пасты из тюбика. А ведь мы с ним такие разные и внешне и по темпераменту, нас бы в цирке показывать – эдакие белый и рыжий клоуны, Пат и Паташон.

Впрочем, главная общая черта у нас одна: мы оба – страшные мизантропы. Но друг друга почему-то не раздражаем.

– А что вообще привело вас в Рунет, дружище? – спросил меня как-то Порочестер, и я, поковырявшись в памяти, честно ответил: ностальгия. После сорока вдруг начали сниться одноклассники, потянуло, захотелось хоть кого-то из них увидеть. Долго шарился по социальным сетям, некоторых нашёл, но френдить не стал: устаревшие, но тем гуще припонтонные лица былых советских ребят и девчат не вызвали у меня ничего, кроме разочарования и скуки. Решил не мучить себя и запомнить их такими, каких оставил в далёком прошлом.

Правда, вышла тут на меня одна... такая Верочка. Был у нас с ней в студенческие годы роман. Кто там кого первый бросил – уже и не вспомнить: кажется, формально – я её, а вот духовно... Ну, в общем, не важно. Главное – она не держала на меня зла и чуть позже я именно от неё узнал о существовании в Интернет-пространстве литературных порталов.

– А меня засосали комменты, – признался Порочестер. Оказывается, некогда он был потрясён, обнаружив, что в Сети на всё что угодно можно оставить комментарий или отзыв. Даже на то, что, казалось бы, его, Порочестера, совершенно не касается. Причём не только хвалебный, но и ругательный! И самое главное: кроме адресата, эти его мысли и мнения становятся доступны ещё и огромному количеству людей, которые тоже как-то на них реагируют – дружелюбно или враждебно. А значит, среди них можно поднять ого-го какую бучу!.. А поднимать бучу Порочестер любил и умел.

Вскоре это удовольствие – поднятие сетевой бучи – увлекло его настолько, что превратилось в хобби; и вот тогда-то мой друг и начал специализироваться по литературным сайтам. – Ибо, дорогой мой дружище, – объяснял он, – нигде больше я не встречал такой концентрации оголтелой злобы, ненависти и тупости, как в поэтической тусовке. Поверите ли – нигде! Даже на ресурсах сексуальных извращенцев никогда не видел ничего подобного.

А тут ещё и усталость от самого себя, желание хотя бы временно сложить с себя крест уродства, побыть со всеми на равных... Он упивался невидимостью – этим дивным, доселе неизвестным ему благом. Вот только поклонницы досаждали (его природная харизматичность косила дам как траву). За несколько лет в Сети он успел пережить и благополучно похоронить как минимум три виртуальных романа. Всё губил тот неизбежный момент, когда избранница начинала требовать фото. Рисковать он не решался: потерять то, что обрёл – пусть даже виртуально – было страшно и унижительно. Какое-то время он перебивался тем, что отправлял вместо себя изображение коллеги по работе – весьма импозантного мужчины – и ещё два-три месяца собирал не принадлежащую ему жатву.

Но в какой-то момент понял, что сам попал в свою же ловушку. Ощущение тяжести и фальши, отсутствие хотя бы фантастической возможности воплощения мнимых отношений без риска их разрушить в конце концов довело его до отчаяния – и, если так можно выразиться, душевного удушья. Кажется, именно этот момент совпал с началом нашего знакомства – отсюда и тогдашняя истерика.

– Но вы-то, дорогой Герцог, слава богу, не дама. Короче... Как насчёт развирта, дружище?..

Я не возражал. В ту пору я уже начал понимать, что в отчаянных попытках ощутить бие-ние жизни, подменив её суррогатом, я только усугубил болезнь. Едва ли это полезно – сомневаться в собственном существовании; а я в последнее время, беспрестанно стуча исхудалыми пальцами по клавиатуре, всё чаще доходил до полного в него неверия.

Словом, наши мнения вновь совпали – мы в один голос решили, что так ведь это оставлять нельзя, надо же как-то бороться, надо что-то делать.

Но тут была одна закавыка. Большие мастера самоанализа и рефлексии, мы смутно чувствовали, что даже реальная встреча ещё ничего не гарантирует; что, по инерции продолжив наши форумные и скайп-беседы за жизнь и литературу, обсуждение избитых рифм и (что вероятнее) общих виртуальных знакомых, мы рискуем снова скатиться в ту же плоскость, в которой и так застряли по самое-не-хочу – вечной умозрительности, зыбкости, царства Несуществующего, – словом, и саму реальность превратить в иллюзию, из которой тогда уж совсем будет не выкарабкаться. Нужно было как-то подстраховаться, подцепить реальность каким-нибудь чудо-якорьком, добиться гарантии, что она нас, однажды заполучив, не выпустит.

Имей я дело с дамой, всё было бы до банальности просто. Но мы с Порочестером – два убеждённых гетеросексуала. Нужно было искать что-то другое.

Что?

Для двух ещё крепких мужчин лучшей зацепкой могло бы стать какое-то общее... не скажу дело, но ЗАНЯТИЕ – желательно полезное и увлекательное для обоих. Но что можно делать сообща в городской квартире, где даже вечно подтекающие краны давно уже починил бодрый жековский сантехник?.. Ах, если б это была, скажем, дача с её пилами и рубанками, весёлыми молотками и долотом и абразивным кругом!.. Увы, даже завалященького загородного домика никто из нас двоих за сорок с лишним лет не нашёл.

Можно было бы, конечно, пойти в какой-нибудь уютный ресторанчик с живой музыкой. Погонять «американку», выпить и поужинать. Опять-таки – если б речь шла о красивой даме, я б именно так и поступил. Но Порочестер вовремя указал мне на то, что в бильярд играть не способен из-за непомерно малой длины конечностей. В преферанс, покер и буру играть не умел уже я – из-за непомерно малой длины числовой памяти. Боулинг казался нам обоим пошлостью, недостойной двойной звезды наших интеллектов. Собирать грибы в этом году представлялось опасным – всю горели торфяники и учёные предупреждали о просочившихся в почву токсинах. Рыбалка была противна нашим гуманистическим убеждениям. С парашютом мы оба уже прыгали в юности и навсегда разочаровались, так и не ощутив обещанного «оргазма». Велосипедов у нас не было. Палаток – тоже. Электрическую дрель я раз в год арендовал у соседки справа – и всегда исправно возвращал.

Я уж начинал думать, что мне, видимо, никогда не придётся увидеть друга живьём... Но тут назревшая проблема разрешилась сама собой.

***

В студенческие годы я лихо шил. Молодой был, с понтом – хотелось приодеться, а тогдашняя индустрия особых разносолов не предоставляла. И вот я достал откуда-то толстенную книгу «Домоводство», оккупировал бабушкин «Подольск» – и начал потихоньку-потихоньку... Особых высот не достиг, но получалось оригинально. Я даже стал на курсе чем-то вроде законодателя мод – основал целое течение «стильный идиотизм».

Сейчас я уже старый, во всём на свете разочарованный, и шмотки меня интересуют слабо. Я и не выхожу почти никуда – фрилансер всё ж. Так что и шить вроде незачем. Ну, раз в два-три года могу потряхнуть стариной – из соображений скорее невроза, чем гламура. Просто иногда на меня накатывает – я становлюсь сам себе противен. Много лет пишу-пишу об искусстве – о чужом искусстве! – а сам-то ничего и не умею. Творческий импотент. И вот тогда, чтобы доказать себе, что и я на что-то годен, что-то могу создать своими руками, я достаю с антресолей старенький «Подольск». Простенького летнего костюмчика или разудалой гавайки обычно бывает достаточно, чтобы ещё несколько лет жить спокойно, без мук рефлексии.

Кстати, у меня чёткий принцип: непременно носить всё, что сшил. Что-то вроде охотничьего принципа: «убил – съешь». Если напортачил где, сам виноват – впредь будь внимательнее. Это я так воспитываю в себе самоуважение и силу воли.

(На всякий случай ещё раз подчеркну: я – убеждённый гетеросексуал. Впрочем, в наши дни рассуждать о гендерных различиях в выборе досуга – глупо и рискованно.)

А тут у нас с Порочестером вышел разговор. Это мы всё искали занятие, которое выручило бы нас, если б, как часто бывает, при встрече оказалось бы, что нам совершенно нечего делать вместе. И вот я предложил сходить в театр – к примеру, в Московскую Оперетту. На «Марицу», а?.. «Ээй, цыган, ээй, цыган...» Классически эта ария называется «Гей, цыган». Но сейчас её поют «Эй, цыган». Мой друг чуть не разрыдался. Он дико обожает оперетту, сказал он. А старину Кальмана – в особенности. Но вот беда: ему совершенно не в чем выйти в свет. Поизносился за годы виртуальной жизни. А позорить меня в публичном месте своими онучами – ээ, нет, и не настаивайте. Такой грех он на свою (и без того отягощённую злодеяниями) душу не возьмёт.

Когда я сдуру ляпнул, мол, почему бы вам, дружище, не прикупить заодно и костюмчик к случаю – ведь можете же, можете себе позволить! – Порочестер горько и язвительно расхохотался.

Вы даже не представляете, дорогой Герцог, – так сказал он мне, – с какими невыносимыми сложностями вынужден сталкиваться по жизни человек с нестандартной фигурой. А у него, Порочестера, фигура нестандартная даже с точки зрения поставщика эксклюзива для специализированных бутиков. Поэтому ЕГО сложности не в силах вообразить себе не только идеально сложенные счастливицы вроде меня – ну, тут он мне, хиялку, польстил! – но и его собрат-урод.

Это, к сожалению, было правдой.

Даже для карлика фигура Порочестера, мягко говоря, нетипична. Скорее он выглядит жертвой компрачиков, которых так смачно разрекламировал великий Гюго, – то есть как будто в раннем детстве кто-то засунул его в большую вазу. Огромная голова прочно сидит на пузатом туловище, зато обе пары конечностей – слабы и коротковаты, что делает Порочестера издали похожим на симпатичного муляжного паучка.

Можете себе представить, что это была за фантастическая идея – подобрать ему одежду по размеру. С брюками он ещё как-то обходился – попросту подгибал их на нужную длину и вручную подшивал, – но вот, скажем, о такой необходимой денди вещи, как пиджак, можно было смело забыть. У них либо свисали до колен рукава, либо они попросту не сходились на пузе. Приходилось перебиваться свитерами, хоть и дорогими, из ангорки. А Порочестер, в душе – истый стилига, мечтал о костюме, хотя бы об одном настоящем костюме по фигуре. Но заставить себя пойти в ателье не мог. Отдавать своё несовершенство в чужие руки казалось ему слишком унижительным.

И вот, наконец, он встретил меня...

Едва я понял, к чему он клонит, как у меня внутри всё загорелось. Это было нужно скорее мне, чем ему. Мне давно пора было встряхнуться. Впервые в жизни сделать что-то не для себя, хотя бы попытаться... – это грозило стать интересным и незабываемым приключением.

А у Порочестера, оказывается, и отрез был уже припасён – купил по случаю. Пять метров розовой итальянской джинсы. Плюс такого же цвета кружево для отделки.

Очень трогательно.

Конечно, риск тут присутствовал, и немалый. Швец, или как это ещё сказать, из меня неизрядный. Если я попросту испорчу его материю, видимо недешёвую – что тогда?.. Но Мистер Порочестер пообещал, что в любом случае не оскорбит меня претензиями – и в честь нашей дружбы будет с радостью носить всё, что бы я ни сотворил.

Подумав, он заметил, что даже и наоборот – чем изделие получится хуже, тем лучше. Ибо в идеально сшитой вещи, как и в любом идеале, есть что-то от виртуальности, что-то безлико-общее, чужое, равнодушное – тогда как любой дефект, пропорционально степени ужасности, будет удваивать, утраивать, удесятерять ощущение реализма!.. Особенно хорошо (со свистом нёсся на крыльях мысли мой друг), если изъян будет не только внешне заметен, – но чтоб ему, Порочестеру, ещё и где-то что-то натирало. Тогда виртуальная реальность будет окончательно побеждена – ощущение натуральности, живости, почти физиологичности нашего знакомства будет сопровождать одетого в костюм Порочестера повсюду, куда бы он ни пошёл.

Возразить на его логику было нечего.

И вот мы сидим в уютной гостиной с розовым диваном и бронзовыми бра, посасываем «Курвуазье», – а я, хоть и держусь бодрячком, не без опаски думаю о том, что нам предстоит. Очень важное дело – снятие с Порочестера мерок. Для меня это в новинку. До сей поры я обмерял только самого себя – и теперь не могу не ощущать волнения перед выпавшей мне ответственностью.

Если б ещё мы были примерно схожей комплекции!.. Я бы выкопал в недрах антресолей старые выкройки, приновил их под клиента, и всё было бы тип-топ. Но, как назло, по части внешности мы с моим другом – полные антиподы. С родственными душами это, говорят, случается.

– Ну что ж, – говорю я, не без сожаления возвращая на столик полупустой бокал. – Приступим?

– Что ж, – в тон мне вздыхает Порочестер, осторожно, сосредоточенно, двумя пухлыми пальчиками устраивая недокуренную «блэчину» в узкий паз фарфоровой пепельницы. Он чуть дрожит. На крупном одутловатом лице медленно проступают багровые пятна. Видно, что и он, как и я, тоже одновременно хочет и немного стесняется предстоящего действа.

Поздно, голубчик.

Боюсь, зрелище было ещё то – меня так и подмывало тайком пристроить куда-нибудь видеокамеру, чтоб назавтра, как это водится у нас, у молодёжи, разместить ролик на «ютубе». Два облезлых, пожёванных жизнью мужика, один на полторы головы выше другого, стоят посреди комнаты – и первый, немного нервничая, обмеряет второго обтрёпанным сантиметром, ещё бабушкиным, но крепким. Хоть и не без скрипа, но дело двигалось. Благодаря его компактности рост я измерил без труда. Некоторые сложности возникли с окружностями груди и талии, ибо Порочестер до ужаса боялся щекотки. Но, собравшись и сосредоточившись, мы и это одолели (а что делать? Хочешь отведать реальности – так терпи). Хихиканье иного рода, но тоже нервное, вызвала у нас так называемая «высота сидения», когда я посадил его на табуретку и мерил сзади от талии вниз – в этом и вправду есть что-то комическое и слегка непристойное.

Впрочем, я не мог не заметить, что мои лёгкие касания скорее приятны хозяину – он, сердешный, так и льнул к рукам. Только не надо, бога ради, искать здесь эротической подоплеки – повторяю, повторяю, это не про нас!!! В интимной области у моего друга было всё настолько в порядке, насколько возможно для человека его нелёгкой судьбы. Постоянной подруги у него и точно не было, – но он, неплохо зарабатывая в своём загадочном «кабэ», регулярно пользовался услугами платной любви, что хоть и не слишком грело душу, но всё же худо-бедно избав-

ляло от ненужного напряжения. Нет, тут было совсем другое: бедняга, нелюбимый ребёнок в семье (простим эту слабость его родителям!), стосковался именно по дружеским, родственным, тёплым прикосновениям, я бы сказал – по физическому выражению искреннего участия. Что ж, я не отказывал ему в этом, даже нарочно небрежничая, хоть и видел, что чувствительный Порочестер, у которого все эмоции были наружу, вот-вот расплачется.

Чтобы не допустить подобной развязки, я решил немного отвлечь его – и, копошась с сантиметром где-то в районе его колен, спросил:

– Дружище, а почему розовый-то? Других расцветок, что ли, не было?..

Признаться, сам я с пелёнок терпеть не могу этот цвет – он кажется мне пошловатым, дамским и каким-то... пороссячим. В детстве, если на меня пытались что-нибудь подобное надеть, я ревел на весь дом и отбивался до последней капли крови: «Девчааачьееее!!! Уууу!!!» Но вопрос попал в точку. Порочестер аж подскочил – и мгновенно перешёл в наступление:

– Да я именно за цвет и брал! Обожаю розовые тона, они такие уютные. Видите, и в интерьере гамму стараюсь выдержать. Даже специальный сайт в Инете нашёл – «Товары для блондинок»...

Тут его голос смягчился – и он почти без перехода мечтательно произнёс:

– Кстати о блондинках... Если костюм всё-таки получится не слишком уродливым, я смогу встретиться в нём с acidophileen...

От неожиданности я выронил сантиметр – пришлось долго и нудно сматывать его снова:

– Acidophileen??? Дружище, да она хоть фотку вам прислала?..

– Нет ещё, – признался Порочестер. – Говорит, камера у бывшего осталась, телефон – кнопочный, а старьё неохота показывать. Вроде к октябрю обещала в город выбраться – сняться...

– Отговорки, – буркнул я и продолжал ползать в его ногах уже молча.

Он меня озадачил. Поэтесса со странным кисломолочным ником, вот уже месяц-два крутившая бурный роман с Порочестером, по-человечески и мне была симпатична, но я сильно подозревал, что для неё всё это только сетевая игра, – и теперь испугался, что она затащит моего друга обратно в виртуальную реальность, из которой мы с таким трудом выкарабкиваемся. Я понимал, что в этом противостоянии с женщиной мне не тягаться.

Видимо, и у Порочестера эта тема вызывала тревожные мысли, так как он тоже замолчал – и только смущённо переминался с ноги на ногу, пока я измерял и записывал на клочке бумаги длину его голени. Наконец, я не выдержал:

– Нет, вы, конечно, простите, что я вмешиваюсь, но... Вы это что, серьёзно?

– А почему нет-то?.. – горестно возразил Порочестер и с тоской глянул на ноутбук, а затем – на покинутый журнальный столик. Видно было, что упоминание о любимой женщине не прошло для него даром.

Но я уже не мог успокоиться:

– Вы ж ни разу её не видели. А вдруг она... ээээ... не ваш тип?

– Я ведь тоже не Жозе Моуриньо, дружище, – мудро заметил мой терпеливый клиент. Но это уж совсем никуда не годилось:

– Мы, мужики, какими угодно можем быть. Купцы-то – мы. А вот они свой товар пускай показывают лицом. Я б на вашем месте забеспокоился, что она фото зажимает. К чему бы это?..

– Ну, вы-то, дорогой Герцог, известный женоненавистник, – разулыбался мой друг. – Зажрались! А я вот считаю, что в каждой даме есть что-то привлекательное. Тем более в такой умнице, как наша acidо...

– Ваша acidо, – из вредности ещё поворчал я, – ну и имечко... Женщина-кефир... Тоже мне, нашли в кого...

– Да вы просто ревнуете, дружище, – кольнул меня Порочестер, и я тут же заткнулся в тряпочку. Я понял, что он прав. Я и впрямь ревновал – обыденную жизнь к виртуальной

реальности, нашу только-только по-настоящему завязавшуюся мужскую дружбу – к полувоображаемой даме, которая даже в таком вот, невоплощённом виде обладала извечной дамской способностью всё разрушить.

Кроме того, копнув в себя поглубже, я с досадой обнаружил, что ещё и завидую. Да-да, я попросту, банально завидовал своему приятелю-карлику со всеми его проблемами. Пусть его любовь была воображаемой и невоплощённой, пусть без фотографий и потенциально не его тип, – но у меня-то и такой не было. Даже в Интернете. Фантазийная пассия Порочестера, которую он, возможно, никогда не увидит, всё же заставляла его страдать, чувствовать и надеяться – совсем как настоящая. А я... За три с лишним года виртуальной жизни так и не закрытил ни с кем даже хиленького романчика, не нашёл даже простой симпатии, – что было, как я теперь понял, весьма угрожающим признаком – и говорило о том, что во мне всё засохло и заглохло уже окончательно и бесповоротно...

На душе у меня вдруг стало так холодно и страшно, что я быстро шагнул к журнальному столику, плеснул себе коньяку – и, с наигранной бодростью поприветствовав бокалом взгрустнувшего Порочестера, проговорил:

– Ну, делу время – потехе час! Поработали и будет. Давайте выпьем за красивых женщин, дружище!!!

– Да-да! За acidophileen! – подхватил Порочестер, радуясь возможности отдохнуть. Видимо, ему всё-таки было ещё неловко со мной. А я подумал, что под такой тост правильнее было бы чокаться стаканами с ацидофилином – но благоразумно промолчал.

3

Да уж, псевдонимчик у Лены был ещё тот. Но она не виновата. Как раз на днях – к слову, что ли, пришлось, – она рассказала мне, откуда он взялся:

– Думала, думала, ничего не придумала, надоело. Села на стул, закрыла глаза и думаю: на что первое взгляд упадёт, так и назовусь. Крутнулась пару раз, открываю глаза – а возле клавиатуры стоит надорванный пакет с ацидофилином... Что ты смеёшься? Это ещё повезло. Запросто мог бы sefeer, toloko или какой-нибудь заварочный chineek попасться...

– Ну, латиницей-то понятно почему. Для красоты. А со строчной-то зачем?...

– Ой, ты что! Ты не понимаешь, это такой потрясающий эффект! – и Елена Валерьевна объяснила, что она, мол, давно заметила: стоит написать даже самое банальное имя или псевдоним со строчной буквы, как оно приобретает удивительную глубину и значительность. – Почему так, а?..

– Видимо, потому, – предположил я, – что имя собственное таким образом превращается в нарицательное и тем самым превращает ничем не примечательного дяденьку или тётеньку в носителя некой абстрактной идеи... В дух самого себя... В нечто высшее и таинственное...

– Ничего ты не понимаешь, а ещё искусствовед. Просто, когда человек пишет себя с маленькой буквы, он как бы говорит: «Посмотрите, мне даже на самого себя настолько начхать... Можете себе представить, КАК я чихал на вас!» И всем сразу становится ясно...

– ... что у него сломан капслок.

– Да подожди ты. Сразу ясно, что такого человека ничем не возьмёшь, ни на какой крючок не подцепишь. А это внушает уважение и страх. Плюс говорит о его уме, ведь это только дураки носятся со своим Именем, как с писаной торбой. Вроде всяких Герцогов, ха-ха-ха...

Тут она была права. Я всегда пишу с прописной не только свой никнейм, но и – о ужас! – слова, с которых начинаю предложения. Хуже того: я не гнушаюсь и знаками препинания! Впрочем, иначе мне и нельзя, ведь я прозаик. А вот самокритичная Леночка всегда пыталась хоть как-то декорировать, облагородить свои бедные вирши – как она всегда делала с неудавшимися блюдами, украшая их изысканными мухоморами из половинок помидоров или морковными звёздочками:

я чай пила и вдруг он превратился в кровь
и сахар в слёзы превратился
я новый налила себе и вновь
прихлёбывая чай смотрела я в окно
туда где ты однажды появился

Это такая редкость – тонкое эстетическое чутьё, пусть даже при полном отсутствии таланта. Кстати, первое, по-моему, встречается куда реже, чем второе. За это я Лену уважаю ещё сильнее. Если только это возможно.

Но пора, наверное, рассказать, откуда она вообще взялась на нашу голову.

Случилось это во время очередной вспышки военных действий на «Златоперье», когда свирепые Гении атаковали наиболее утончённую и эстетскую, а, значит, и ранимую часть лагеря графоманов – рубрику «Экспериментальная поэзия».

Вообще-то «психоделисты» (как они себя называют) редко участвуют в рулинетных войнах. Обычно они варятся в своём тесном кругу, наслаждаясь свободными потоками сознания друг дружки – потоками, в которых редко можно встретить рифму, ритм, прописную букву или запятую, – и брезгливо обходят «протухшее старичьё», коим они мнят обыкновенных, консервативных стихотворцев, скрупулёзно подсчитывающих слоги. Но временами обоюдное раздражение прорывается. Например, когда на сайте объявляется литературный конкурс – с крупными призами в местной валюте. Кто-нибудь из самонадеянных экспериментаторов нет-нет да и клюнет на наживку.

Всякий раз это заканчивается печально. Судить психоделиста можно только по его собственным законам, весьма и весьма зыбким; а тут на одной доске оказываются совершенно разноплановые шедевры, что и отправляет новатора в заведомые «лузеры» – даже если среди своих он первый талант. Узнав результаты конкурса, разгневанные психоделисты (а они, как любое меньшинство, очень держатся друг за друга!) вылезают из своих келий и принимаются дружно биться в истерику – на потеху Гениям-традиционалам, которые только этого и ждут. Увы, для критиканов экспериментальная поэзия испокон веку – безопасная и вкусная мишень.

Как Лена затесалась в эту компанию, для меня до сих пор загадка, ибо, как я уже говорил, она обладает качеством, которого настоящий психоделист просто обязан быть напрочь лишён – самоиронией. Впрочем, думаю, она просто-напросто плыла по течению. Едва появившись на сайте – ещё безо всяких стихов, но под оригинальным ником и красивой кислотной аватарой – она тут же оказалась охвачена любовным вниманием самых ярких психоделических лидеров.

Понимая, что происходит явное недоразумение, она, тем не менее, не стала никого убеждать, – а предпочитала пожирать плоды, умело поддерживая иллюзию, для чего у неё, слава богу, хватало чувства юмора. В первую очередь, как мы уже видели, она без жалости отказалась от прописных букв и знаков препинания, что сразу сделало её в глазах психоделистов своей в доску.

Она даже подумывала творчески развиваться и дальше, – но её тормозило сомнение буриданова осла перед двумя равно соблазнительными, но разнополюсными возможностями: верлибром (коим у психоделистов считался любой нерифмованный столбик) и как раз вошедшим в страшную моду «быковским стихом». Это была досаднейшая проблема – оба стиля ей ужасно нравились. Только-только она придумала, как их поженить, в результате чего получилась бы вещь, сулившая в кругу «экспериментаторов» бешеный успех – чистый, ничем не замутнённый поток сознания, оформленный в красивый кружочек, – как всё резко и внезапно переменялось.

На горизонте появился Порочестер.

Знакомство их – это вообще что-то. Мне повезло наблюдать всё это в мельчайших подробностях. Старый жук случайно (а, может, и по чьей-то наводке) наткнулся на умопомрачительную, всю в инновациях и экспериментах, страницу новенькой – и затрепетал от особого чувства, адской смеси ярости, возбуждения и азарта, которая часто охватывала его тонкую натуру при столкновении с особо кощунственными оскорблениями святого Искусства. Вам-то смешно, а мне пришлось выслушать такоооо!.. Недели две, если не больше, он изводил меня ежедневными отчётами о своих героических изысканиях в крохотной, но «отвратительно смрадной» кучке «кое-как сляпанных рифмовок недолюбленной дамы».

Это чувство ещё усилилось, когда он перевёл два-три acidophileen'овых стишка в обычный регистр, снабдив их в нужных местах запятыми: – Нет, ну такой графоманки я в жизни не видел!!! Главное, они её ещё и хвалят! В анонсы ставят! (Это было правдой: благодаря активности психоделического «ядрышка» поэтическая репутация Елены росла как на дрожжах). – Я её изничтожу, дружище, вот увидите – изничтожу!

Что ж, я мог только посочувствовать тогда ещё неизвестной мне, но, по-видимому, симпатичной поэтессе: с методами Порочестера я уже был неплохо знаком. К счастью, умная девочка не выложила на сайте своих изображений, что уберегло её от участи стать героиней порнографической фотожабы или просто какого-нибудь идиотски-унизительного коллажа, на которые мой друг был мастак. Но ничто не могло помешать ему начать словесную атаку, которую он решил вести потихоньку, издалека, с малого – чтобы поиграть с жертвой, посмаковать её реакцию, и лишь потом огреть по хрупкой черепушке обухом грубости и цинизма.

Изобретал подход он долго, со смаком: все уже испытанные приёмы казались ему недостаточно изящными. – Как вы думаете, дружище, – беспокойно спрашивал он, – боится она матерных словечек? Оскорбят ли они её? Эти психоделистки – такие прожженные твари, от них всего можно ожидать... А если я просто скажу, что она тупая бездарная курица, интересно, это её унизит?..

Я отшучивался, отмахивался, но Порочестера уже ничем нельзя было остановить: когда он что-то задумал – это сущий бронепоезд. – Может быть, просто попросить её: «Не пишите больше никогда»? Понаставить единиц в «оценках»? Спросить, почему она из всех видов хобби выбрала именно поэзию?..

– Лучше займитесь выращиванием герани! – наконец, нашёл он простенькую, но изящную формулировку... и со сладострастным нетерпением стал ждать ответа.

К его удивлению, вместо того, чтобы, как положено, зафырчать, забиться в истерику и начать плевать нечистотами, загадочная acidophileen на его дружеский совет даже не обиделась. Очень миролюбиво она ответила, что, мол, у неё на попечении – целый садовый участок, хоть и заросший бурьяном, так что, если Порочестер интересуется геранью и прочими растениями, пусть приезжает в гости и помогает полоть и сажать. Приглашение мой друг, конечно, серьёз не принял (это будет позже), но заметно сдуслся – тут было что-то не так. Впервые в жизни он видел графоманку, которой было настолько наплевать на оценку собственного творчества. Он не хотел в этом признаваться даже сам себе, но был заинтригован.

– Что же ты в таком случае тут забыла? – теперь уже напрямик спросил он, на что получил такой же прямой и честный ответ:

– По вечерам у нас на болотах очень пустынно. Одиноко. Жутко. Охота хоть с кем-то словечком перемолвиться...

И опять та же история – Порочестер был растроган втайне от самого себя. Одиночество – это он хорошо понимал. То ли по инерции, то ли из гордости он ещё некоторое время сопротивлялся и продолжал вредничать, оставляя под стихами новой знакомой то оценку «очень плохо», то глумливую пародию, то до отвращения едкий комментарий на корчащемся «олбанском». Но странная поэтесса всякий раз реагировала до того просто и дружелюбно, что очень скоро бедный карлик окончательно растерял всю свою наносную грубость – и с изумлением

обнаружил себя лицом к лицу с живым человеком, да-да, не с сетевой графоманкой, а с ЧЕЛОВЕКОМ – таким же, как и он сам.

Он и сам не заметил, как перестал язвить её своим жалом, а начал спокойно и деловито указывать на явные недостатки – глагольные рифмы, сбои ударений, штампы и прочие выбоины на пути начинающего поэта. Ученица оказалась то ли очень наивна, то ли очень хитра. Всякий раз она так трогательно его благодарила, с таким очаровательным энтузиазмом принималась править свои неловкие вирши, что постепенно наш критик совсем растаял. С каждым днём его замечания становились всё деликатнее, всё нежнее и бережнее, и вот он уже не критиковал, но выращивал её, как мать растит своё дитя, и когда в один прекрасный день уже другой, пришлый критик из Гениев осмелился усомниться в литературных способностях acidophileen, ревнивый Порочестер устроил наглецу такой разнос, что тот не появлялся на сайте несколько дней – зализывал раны – а, когда всё-таки вернулся, то незаметно перешёл на прозу, которую, очевидно, счёл куда более простым и безопасным занятием.

Тут-то все, кто наблюдал за развитием событий, и убедились в том, что между этими двумя происходит нечто тонкое, ажурное, неуловимое.

Перемены в acidophileen тоже были заметны. Главная выразилась в том, что она решительно порвала с экспериментами – и широкими шагами направилась в сторону традиционного стихосложения, для начала снабдив свои тексты запятыми и точками и перенеся всю эту красоту в рубрику «Любовная лирика». Вскоре из её стихов почти исчезли глагольные рифмы, зато появились мысли и оригинальные метафоры. Она даже начала потихоньку замахиваться на таких зверей, как аллитерация и ассонансная рифма, и, в общем, думаю, что Порочестер потихоньку сделал бы из неё поэта – Лена девочка способная, – если бы наш с ним общий протест против виртуальной зависимости, о котором я рассказывал чуть выше, не натолкнул его на совсем другие идеи и замыслы.

Как мы помним, Лене в них отводилось далеко не последнее место.

А та, бедняжка, и не догадывалась ни о чём. Она вовсю наслаждалась виртуальной жизнью. Стряпала стишок за стишком, общалась с новыми друзьями, крутила с Порочестером пашни на форуме – и только иногда с тревогой замечала, что (прежде такой уверенный и бравурный) тон её друга в последнее время будто бы... изменился, что ли?.. Он всё чаще казался вялым, уклончивым и каким-то даже... испуганным, – будто кавалеру вовсе и не до прекрасной дамы было, но вежливость и взятая на себя роль обязывали держать марку. Чуткая acidophileen, не привыкшая незваной лезть в чужую душу, подумала тогда, что, видимо, в заэкранной жизни Порочестера происходит нечто такое, что вовсе её не касается. А раз так, то и спрашивать нечего.

А это было как раз в те дни, когда мы с Порочестером завели знакомство в реале – и его тайные помыслы насчёт Елены стали, наконец, явными.

Что до меня, то я в поте лица трудился над будущим костюмом из джинсы. Чертил выкройку, переводил на ткань, раскраивал, дрожа, как бы не сделать неловкое движение – для другого ведь всегда стараешься больше, чем для себя. Перепроверял всё по десять раз, поэтому работа шла медленно. Когда самая нудная часть была закончена, и я, вооружившись иглой и напёрстком, уселся соединять между собой разрозненные части розового денима, мне пришло в голову, что пора бы что-то предпринять и для их незадачливого хозяина. А то больно уж он в последнее время достал своими розовыми соплями и заунывными причитаниями: «Ацидофилин, ацидофилин...»

«Вот только, пожалуйста, без самодеятельности, – с досадой думал я, шерудя туда-сюда толстой иглой, в чьё ухо была заправлена контрастная чёрная нить. – Тебе, голубчик, воли давать нельзя. Слишком уж ты восторжен и впечатлителен, а в любви это не лучшие советчики.»

Слегка прозондировав почву и кое-что выяснив, я пришёл ещё в большее волнение (настолько, насколько чужие проблемы вообще могли меня взволновать). Оказывается, эти страстные влюблённые даже в личку ни разу друг другу не написали! Не созвонились ни разу! Стеснялись. Я уж молчу о такой интимной вещи, как скайп... Впрочем, этой радости они были лишены ещё и по другой, банально технической причине: ноутбук милой дамы был слишком дряхл для таких испытаний. И хорошо, если и вправду так. Хуже, если это была банальная отговорка!

«Да и нужен ли романтической даме сей форсаж?.. Она прекрасно чувствует себя и в формате форума.» Честно говоря, я с трудом себе представлял, каким образом мой друг собирается перескочить эту пропасть.

Единственное, что меня тут обнадеживало – это как раз то, что, казалось, должно было огорчать. А именно: несмотря на все просьбы и заклинания, поэтесса упорно отказывалась прислать Порочестеру свои фото десяти-пятнадцатилетней давности. Что косвенно указывало на то, что Елена не относится к тому страшному и холодному типу людей, которые принципиально не смешивают вирт с реальной жизнью; что она не хочет вводить друга в заблуждение; что – пусть и неосознанно – рассчитывает на возможную встречу. (Конечно, это могло говорить всего лишь о том, что наша героиня была чудовищно страшна уже в юности, – но я как безнадежный оптимист эту версию отмёл).

В общем, я всё яснее понимал, что без посредника этим двоим не справиться. И посредником этим придётся стать известно кому.

Роль сводника была для меня новой. Но я и этому был рад – не так уж много в моей жизни нового. И то всё благодаря Порочестеру, который, что ни день, открывал меня для меня с самой неожиданной стороны.

Сказав себе так, я успокоился – настолько, что на какое-то время позволил себе забыть об их душераздирающей любовной истории.

Меня занимало кое-что другое – куда более увлекательное. И реальное. Приближался тот удивительный, неопиcуемый момент, когда из разрозненных, кривоватых, странноватых на вид кусков ткани вдруг неизвестно как получается ВЕЩЬ! Даже меня, старого заплесневелого сухаря, это чудо каждый раз изумляет и приводит в трепет – и, что интересно, с опытом он не уменьшается, а становится только сильнее. (Может быть, потому, что и сшитые мною вещи с каждым разом всё качественнее?)

Предвкушая миг трансформации, я с упоением работал иголкой. Процесс настолько захватил меня, что вот уже два дня я забывал даже позавтракать – и перехватывал что-то лишь к ночи, когда уже не мог работать – так болели глаза, пальцы и спина. Даже во сне у меня перед глазами мелькали стежки – чёрным по розовому. (Порочестер как-то объяснил мне, что это цвета молодёжной субкультуры «эмо», но вникать во все эти страсти я не стал).

Готово!..

Но это пока был только пиджак – вернее, заготовка для пиджака. А я хотел доделать до завтра и брюки, чтобы уж всё сразу прикинуть прямо на Порочестере. И снова вспомнил, что надо поесть, только когда спину и шею ломило уже невыносимо. В результате на третий день работы у меня всю разболелись не только мышцы и глаза, но и желудок.

Это, конечно, плохо, что я себя так измотал. Здоровья в моём возрасте это не прибавит. Зато именно благодаря такому чудовищному насилию над своим организмом я и вспомнил, наконец, кое-что важное – да не просто важное, а такое, что самой короткой дорожкой вело нас прямехонько в покои загадочной красавицы.

Когда меня озарило, я как раз доделывал последние стежки, смётывая Порочестеровы брюки, и торопился закончить поскорее, чтобы с чистой совестью бухнуться в кровать. Но теперь у меня и усталость прошла – может быть, оттого, что я от неожиданности уколол большой палец иголкой. Ах я дурак! Как же я сразу-то не догадался?

Решение было столь очевидным, что я, выдавливая из пострадавшего пальца капельку крови, кряхтел и радостно чертыхался на своё тугодумие. Теперь я знал, что делать и, главное, как. Трепещи, виртуальность!.. Прекрасной Елене уже не сорваться с крючка!

Если что-то меня теперь и беспокоило, то только одно: успею ли я, храбрый портняжка, дошить изделие к сроку?.. А то, чего доброго, наш виртуальный герой заартачится – и наотрез откажется ехать к своей даме в каком-нибудь менее изысканном прикиде...

Я ласково погладил лежащую у меня на коленях кучу джинсового тряпья: главное – суть, но и детали тоже имеют значение. Удивительно, но мне, закоснелому эгоисту, в этот миг хотелось только одного: чтобы всё сложилось именно так, как видится моему другу в его самых сладостных мечтах.

4

– Дружище, вы любите массаж? – в лоб спросил я Порочестера, день спустя подъехав к нему на квартиру для предварительной примерки. За это время я успел не только полностью сметать костюм, но и выкроить мелкие детали. Как всё-таки трудно работать, когда твой клиент настолько разительно отличается от тебя... конституцией? Консистенцией?.. Комплекцией!

В ответ с Порочестером стало происходить что-то невообразимое. Он весь одеревенел (в этот миг я как раз оправлял на нём будущий жакет – вроде сидел сносно), затем побагровел кончиками огромных ушей, торчащими из-под седеющих патл, заблестел лицом – и через минуту-другую напряжённых раздумий изрёк что-то вроде:

– Э... ээээ... Что?..

– Массаж, – терпеливо повторил я, параллельно смекая, что правый рукав неплохо бы сделать чуть покороче – в теле Порочестера наблюдалась лёгкая асимметрия. – Массаж, дружище. Ну, спины, ног... лица... Любите?..

При слове «лица» бедняга Порочестер немного отмяк, вздохнул посвободнее – и почти твёрдым голосом, в котором, однако, ещё чувствовалась лёгкая дрожь, заметил:

– Вот уж не знаю. Массаж лица мне ещё никогда не делали...

Тут он явно поскромничал. Я мог бы побиться об заклад, что и другие части его тела доселе не знали сих сладостных испытаний. Что ж, смиренно подумал я, будем надеяться, что любознательность в моём друге всё-таки победит стыдливость. Но это потом, а пока не будем пугать беднягу всего сразу – лучше готовить его мелкими порциями.

После лёгкого чаепития мы продолжили примерку. Но теперь она шла через пень-колоду. Клиент так напрягся, что еле-еле влезал негнушными членами в костюм – и своей громоздкой оцепенелостью мешал мне посадить изделие по фигуре. Видимо, он решил, что я предлагаю ему свои услуги и вот-вот примусь его массажировать во всех возможных местах. Пришлось изобразить эдакую ни к чему не обязывающую болтовню беззаботного портняжки:

– Вы знаете, дружище, а я вот без массажа долго не могу. Скрипеть начинаю. Остеохондроз. Что поделаешь, в нашем возрасте без этого уже никак. Жаль только, хорошего специалиста найти не так-то просто. Но мне повезло – порекомендовали. Вот как раз в ближайшее время собираюсь записаться на процедуру. Ехать, правда, далековато, за городом, но оно того стоит. Кстати, хотел спросить... ээээ, вот сюда ножку, ага... хотел спросить: не согласитесь ли вы составить мне компанию? А то одному в такую глухомань как-то боязно добираться...

По мере моего неприятельского монолога Порочестер всё больше приходил в себя – как видно, лечебный массаж казался ему не в полной мере МАССАЖЕМ, – а уж после слова «боязно» и вовсе оживился:

– Конечно, дружище! С вами – хоть на край света! Да и то пора хоть ненадолго натянуть нос закоптелой Москве. За город, да по золотой осени – одно удовольствие...

– Так значит, договорились, – пробурчал я, зажимая промеж губ булавки – не столько потому, что некуда было больше их сунуть, сколько для того, чтобы не продолжать разговор.

На сегодня достигнутого было вполне достаточно, и должно было пройти время, чтобы закрепить успех. А тот был немалый – провожая меня до двери, Порочестер спохватился:

– Вы только, пожалуйста, предупредите меня хотя бы за денёк-другой, когда соберётесь. Я специально отложу все планы...

Ну ещё бы. Я и сам терпеть не могу импровизаций и считаю, что лучший экспромт – тот, что хорошо подготовлен. Недаром же я начал подбираться к цели так издавлек. Ко дню нашей романтической прогулки Порочестер уже должен держаться бодрячком-с – и не падать, как чувствительная барышня, в обморок от одного только слова, обозначающего нечто, потенциально связанное с физическим удовольствием.

О том, что упомянутый «хороший специалист» – ни кто иной, как одна его близкая знакомая, я решил сказать ему чуть позже – ну, хотя бы после того, как розовый костюм с оборками будет закончен. Всему своё время.

Ноющая спина сослужила мне добрую службу. Упёрся руками в поясницу – и тут же вспомнил одну интересную тему на форуме «Златоперья». Месяца три назад. Даже вспомнил, как она называлась: «Кто есть кто?» Открыл её один противный мужик, форумный скандалист из тех, кто вечно меряется гениталиями – то есть за неумением сочинить что-нибудь сносное выпячивает свои невпугенные заслуги в реальной жизни. Сейчас, например, речь шла о том, кто больше пользы приносит России на своём рабочем месте. Ну, Лена, даром что барышня, и утёрла ему нос. Написала, что её профессия – самая что ни на есть нужная: она спасает людей, бывает, с такими болячками, от которых все врачи отказались. А о качестве её работы можно судить хотя бы по тому, что постоянную клиентуру она не растеряла, даже переехав из Москвы в глухие болота под Ногинском. Люди всё равно ездят, хоть добираться туда не так-то просто. И не все, между прочим, на машинах – некоторые пешкодралом чапают. Тем и кормится.

Я хорошо запомнил эту тему, потому что испытал тогда неприятное чувство. Мне-то похвастаться было нечем. Я по роду работы – словоблуд, причём не просто словоблуд, а продавший свою совесть. Недавно вот тиснул в нашем журнале статью, каковая вся – целиком! – была посвящена... мазку. Мазку Кормильца. Одному мазку, представляете?... Чего только я там не понаписал... Дескать, приступая, Кормилец лишь сперва аккуратно орудует кисточкой, возюкая ею по холсту, но потом всё больше увлекается, входит в раж, дрожит, багровеет, выпускает яростные крики... и, наконец, в неистовом творческом экстазе отбрасывает надоедливую посредницу прочь! За ненадобностью!! И жадными трепещущими пальцами погружается в живое тело краски!!! Ласкает ими холст, как нежный любовник!.. Такие вот страсти. Хотя даже очень далёким от живописи людям прекрасно известно, что никуда наш Кормилец не погружается – хотя бы потому, что на него давно работает целый комбинат «негров». Вот так-то. А я пишу и получаю за это деньги. Журнал наш большой, красивый, финская полиграфия, и каждая статья в нём сопровождается англоязычным переводом.

Впрочем, я уже привык к своей работе и не комплексую. В конце концов, она даёт мне не только верный кусок хлеба, но и массу свободного времени. Немножечко меня мучит совесть, когда я думаю о том, что журнал с моими текстами распространяется по художественным школам и вузам, где его читают дети. Но так и быть, пусть это закалит их и научит не верить в искусство никому, кроме себя – бесценное качество для художника.

Зато теперь я вспомнил тот давний разговор. А с ним – и то, что рассказывал мне про acidophileen дружище Порочестер. Обычная история: дама только-только разошлась с мужем и ещё не решила, радоваться ей или огорчаться. Гордая и не мелочная: без лишних рассуждений оставила новой семье мужа трёхкомнатную квартиру, а сама удалилась в полузаброшенный загородный домик под Ногинском – её личное владение. Ей там, в общем, было неплохо, только немного одиноко: вокруг ни души, только старый ноутбук, который она успела прихватить, покидая бывшее пристанище. (Этой рухлядью всё равно никто уже не пользовался).

Я был просто убеждён, что такая добрая, отзывчивая женщина не откажет страдальцу, замученному остеохондрозом, в смиренной просьбе о помощи. Она всегда симпатизировала мне как дружку её обожаемого Порочестера. Да и лишний клиент ей – ох как не помешает. Деньги-то нужны поди. Такой гордой особе, как бы ни была она неприспособлена, трудно пробавляться в одиночку, на том и строился расчёт, – ах я циник.

Не буду долго рассказывать, как я к ней подбирался, скажу одно: всё вышло так, как я и предполагал. В ответном письме мне был назначен день и час сеанса. (Умница Лена даже не стала задавать мне лишних вопросов, на которые у меня были заготовлены – так и пропавшие зазря – остроумные ответы.)

Оставались нюансы. Например: когда и как сорвать со всей этой хитроумной конструкции покрывало тайны. О Порочестере-то я Лену не предупредил. А меж тем мы собирались вторгнуться на её территорию – и преподнести хозяйке такой сюрприз без её ведома и позволения было бы, мягко говоря, хамством. А я – хоть и бездушный человек, сухарь, но не хам.

Да и самого Порочестера следовало бы подготовить. Но я всё медлил – боялся, что, узнав правду раньше времени, оба от смущения дадут задний ход. Чёрт бы подрал эту штуку под названием «любовь» – проклятье (пусть и виртуальное!), которое вечно встаёт между людьми, всё портит и делает непреодолимо сложным то, что для безразличных друг к другу людей было бы проще пареной репы.

Случайно проговориться друг другу они не могли. Личка их пугала, а я сильно сомневался, что Порочестер станет обсуждать такое интимное дело, как массаж, на глазах у всего Рулинета. И то хорошо. В конце концов я решил не заморачиваться и действовать по вдохновению.

А пока мы с Порочестером занимались его экипировкой и наша суровая мужская дружба крепла с каждым днём.

Всё-таки здорово мы это придумали – ателье на дому! Погружает в реальность вернее верного. Тут уж одним скайпом не ограничишься. Челноком сновали туда-сюда друг к другу на примерку («Иначе ведь невежливо, дружище!...»), контактировали тесно и телесно, обрас-тали вкусными подробностями. Поначалу я сам предпочитал ездить к нему – и мотивировал это тем, что, мол, ведь Порочестер – человек занятой, нужный обществу, а я – бездельник-фрилансер, мне и времени не жалко. На самом же деле мне просто очень трудно впускать в своё личное пространство инородные тела в виде посторонних людей. Прошло не меньше недели, прежде чем я, наконец, преодолел этот внутренний барьер.

Как ни странно, Порочестеру у меня понравилось. Пока я, эффектно увязав волосы лентой, пристрачивал ему рукава, он в одних трусах бегал, как ребёнок, из комнаты в кухню – и восклицал: – Как уютно!.. – Хрен его разберёт, что тут уютного: сухо, аскетично, ничего лишнего – словом, точное описание меня самого. Но Порочестер тоном знатока утверждал, что у моей квартиры – «прекрасная энергетика». То же показалось ему и в будущем его костюме, который я еле-еле с него стащил: он заколол недошитые штаны булавкой и заявил, что так и пойдёт домой.

Забавно, но в чём-то он был прав. Уж до чего я презираю розовый цвет, – но тут не мог не признать, что моему другу он парадоксальным образом к лицу, и даже его уродство на этом подчёркнуто женственном фоне становится чем-то стильным, обаятельным... и, как это ни странно, завораживающе-брутальным. Не зря говорят, что не внешность важна, а умение жить в гармонии с собой. У Порочестера в этом смысле был врождённый дар, которого он даже сам в себе не подозревал.

Не подозревал он, впрочем, ещё многого. Например, того, что я терпеть не могу массаж.

А я тем временем аккуратно готовил почву. Когда костюм в целом был пошит – оставалось только добавить несколько декоративных штрихов да замаскировать два-три изъяна, –

мы, по традиции, присели в его уютной гостиной смазать это дело, на сей раз «Мартеллем», и я произнёс коварный тост – скорее, тест:

– Ну что ж, дружище, – давайте выпьем за то, чтоб в этом костюме у вас с ацидофилин всё получилось в лучшем виде!..

– Так вы считаете, это возможно?.. – встрепенулся бедный карлик – и я понял, что он отчаянно ждёт от меня поддержки, какого-то примера из жизни, который говорил бы о том, что и невозможное порой случается.

Примерами я был небогат – моя-то жизнь была так банальна и скучна, как этот оригинал не мог себе и представить. Но я с ужасом чувствовал, что его наивный и, в сущности, несбыточный роман стал для меня чуть ли не личным делом: чтобы спастись от окончательного душевного опустошения, я должен был доказать невозможное не столько ему, сколько себе.

Поэтому я быстренько натянул хорошую мину на своё постное лицо плохого игрока и бодрым голосом произнёс:

– Ну а как иначе-то, дорогой мой друг? Как же иначе? Сейчас люди по-другому-то и не знакомятся. Лучше даже. Сперва душу узнать, а потом уж – всё остальное...

– А потом – всё остальное... – покивал Порочестер, благостно прикрыв глаза. Несколько секунд он расслабленно покачивался в кресле с мечтательным видом. Но тут же снова забеспокоился:

– Так вы думаете... она согласится на встречу?..

– Ещё бы!!!

– А если нет?..

– Мы же с вами – известные мастера слова, уговорим!

– А вдруг... она увидит меня и испугается?..

– Вы же прислали ей фотки! И видеоролик! Тем более что в жизни вы гораздо симпатичнее!

– Правда? – растрогался Порочестер, дрожащими пальцами разминая вишнёвую «блэчину». – Спасибо, дорогой друг... А если... а если, наоборот, она мне не понравится? Что мне тогда делать?..

– Хе-хе-хе... – не выдержал я (по усталому организму уже потихоньку расползлось приятное опьянение). – Хе-хе... Хе-хе-хе! Ничего-о-о! Стерпится – слюбится!

– Кккккк... – глядя на меня, и мой смешливый друг затрясся, как в ознобе, едва не поперхнувшись дымом. Удивительно, но он явно успокоился, свято поверив во все мои обещания. А я смиренно сказал себе, что и вырабатывать тактику и стратегию завоевания прекрасной дамы, скорее всего, придётся тоже мне – третьему лишнему.

Впрочем, я к этой дурацкой роли уже привык.

Обстоятельства работали на нас. Как раз об эту пору на форуме «Златоперья» случилось ЧП: нашего друга Порочестера впервые в жизни забанили модераторы! Это его-то, которому за его искромётный юмор прощалось всё! И не просто как-нибудь так забанили, а на целую неделю, со строгим предупреждением. Видимо, где-то он всё-таки перегнул палку...

Я поспешил на форум, чтобы своими глазами увидеть, что же он такое натворил – уж очень было любопытно! – но ничего не нашёл: видно, страсти klokотали столь нешуточные, что все опасные высказывания попросту удалили вместе с темами.

– Да что ж вы там ляпнули-то, дружище?.. – пытал его я, но Порочестер, обычно такой откровенный, смущённо отмалчивался и прятал глаза. (Впоследствии из других источников я узнал, что его угораздило в пылу правдолюбия страшно оскорбить главного редактора «Златоперья» – несчастную, больную, а потому очень злобную окололитературную даму, коротавшую остаток дней в иллюзорном ожидании Нобелевки. Он мало того что прошёлся по её возрасту и внешности, что само по себе недопустимо, но ещё и написал на её самое трепетное

и старательное стихотворение пародию – такую гаденько-скабрезную, что даже самым злым Гениям стало неловко.)

Мне-то было наплевать – я и так теперь видел Порочестера чуть ли не каждый день! – но для других форумчан, особенно кто был к нему дружески привязан, это стало настоящей трагедией.

В их числе была и бедняжка acidophileen. Горе её выглядело очень трогательно и обратило к ней сердца даже тех золотоперцев, которые прежде в упор её не замечали. Несчастная металась по форуму, как белая лебедь, потерявшая самца, и страшно кричала – кричала, самой собой, в рифму:

...Если твякнет мерзавка-планета,
Что разверстые зенки её
Истерзало назойливым светом
Беспощадное солнце твоё, —

Искалеченным сверхчеловеком
Я завою в поганом углу,
Мой отчаянный крик саундтреком
Разорвёт грязно-серую мглу...

– прочитав это творение, я подумал, что Порочестер, чёрт возьми, отличный тренер – достаточно только сравнить раннюю acidophileen с нынешней. А ещё я подумал о том, что лучшего момента для осуществления наших планов не найти.

Я терпеливо переждал два-три дня (время от времени я лицемерно утешал бедняжку на форуме, чтоб ей было не так тяжело), и, когда любовная тоска Елены, по моим расчётам, достигла апогея, огорошил её приятным известием. Суть дела я изложил в письме, хотя, самой собой, мы с ней давно обменялись телефонами. Но врать в письменной форме гораздо проще – монитор ведь не краснеет. А любой мало-мальски чистосердечный заход выставлял Порочестера совсем уж мокрой тряпкой. Что, как известно, не очень-то располагает к пылким чувствам.

В моей вольной интерпретации карлик, ревнивый аки Отелло, а теперь ещё и безвинно репрессированный, узнав, что я собираюсь наведаться к его даме (не мог же я скрыть это от друга!), так рвал и метал, что мне ничего не оставалось, как принять его жёсткий ультиматум: или мы едем вместе – или я ему смертельный враг. – Так как же мне поступить?.. – вкрадчиво спрашивал я. Решать судьбу моего остеохондроза (а заодно и дружбы) предоставлялось прекрасной Елене, в которой, по моим расчётам, должна была восторжествовать клятва Гиппократова, помноженная на тоску и чувство вины перед несправедливо наказанным возлюбленным.

В конце письма я, как честный человек, просил Лену отзвониться – и уже подробно обговорить со мной все организационные подробности.

Так случилось, что в тот же вечер ко мне наведался Порочестер – в последний раз примерить костюм перед окончательной отделкой. Едва он вошёл, как мне бросилось в глаза его не совсем обычное поведение. Вопреки обычаю он не стал бегать по моей квартире и громко восторгаться, а сразу прошёл в кухню, уселся на табуретку в углу и, как-то опасливо нахохлившись, принялся молча ждать, пока закипит чайник.

Вскоре тот весело засвистел – у меня чайник со свистком, представляете?.. – но даже этот радостный звук, так напоминающий о детских годах, не привёл Порочестера в норму.

– Что вы такой смурной, дружище?.. – не выдержал я. – Неужели совесть замучила? Да извинитесь перед старушкой, и дело с концом...

Но Порочестер только головой помотал. Тогда я решил, что это – всего лишь отражение моей собственной нервозности (Лена всё не перезванивала, а ведь с момента отправки письма прошло уже полдня!). Но тут вдруг выяснилось, что у него был свой, личный повод для тревоги, потому что неожиданно он сказал:

– Вы-таки добавили меня, дружище. Поздравьте меня! Сегодня утром я совершил самый рискованный поступок в своей жизни!

– Ну?.. – с деланным интересом приподнял я брови, почти не слушая: в этот миг я вертелся вокруг Порочестера, сосредоточенно осматривая костюмные швы – не застряло ли в них чего лишнего. А тот, помявшись немного, признался:

– Написал acidophileen в личку и предложил встретиться.

– Ну! – Я чуть не проглотил булавку, которую только что вытащил из его брюк и машинально сунул в рот. Такое развитие событий – я имею в виду письмо – не входило в мои планы. Или, наоборот, входило – в зависимости от того, что именно и как он написал Елене. Если не брякнул лишнего, а только плакался о своих неземных чувствах так же, как ежедневно – мне, то, может, и...

Но я, увы, слишком туг на мозги, чтобы мгновенно прокручивать в голове такие сложные комбинации, поэтому просто сделал тупое лицо и спросил:

– Ну и что?

– Пока ничего, – скорбно сообщил Порочестер, вылавливая ложечкой листки мяты. – Во всяком случае, когда я выходил из дому – было ничего... Дружище, вы не очень рассердитесь, если я нарушу наш уговор и воспользуюсь при вас смартфоном??

– Конечно, дружище, – ответил я, смекая, как будет досадно, если в последнюю минуту моя филигранная интрига рухнет из-за самодеятельности этого идиота. Впрочем, почему идиота? Ведь это я и никто другой так долго и терпеливо подогревал в нём смелость и решительность...

Пока он лазил на сайт, я чутко бдел за спиной, делая вид, что оправляю морщинки на джинсовых плечах. Но зря старался – никакого письма в личке не оказалось. На Порочестера было жалко смотреть.

– Напрасно мы всё это затеяли, – мрачно сказал он после того, как мы выдули по третьей чашке чая с мятой, мятными пряниками и таким же шоколадом с зелёным листиком на обёртке – я специально купил, зная, что Порочестер обожает всё мятное. – Она не хочет видиться. Думает, наверное, как бы повежливее отказаться. И правильно делает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.